

Кинорежиссер, верный романтике

Недавнее известие из Англи: на кинофестивале в Оксфорде одного из главных призов удостоен советский фильм «Божественная Анна» («Анна Павлова»). Для режиссера Эмилия Лотяну это не первая престижная награда. «Серебряная раковина» Сан-Себастьянского Международного кинофестиваля за картину «Лаутары», «Золотая раковина» того же фестиваля, за ленту «Табор уходит в небо» и немало других призов числятся на его счету. Но признание «Божественной Анны» режиссеру, мне кажется, особенно дорого, ибо некоторыми кинокритиками картина была встречена далеко не с восторгом (зрительские отзывы по преимуществу были иными). Не будем здесь ни перечислять упреки, ни полемизировать с ними — скажем лишь, что они не заставили Лотяну пересмотреть свои творческие принципы.

«Божественная Анна» — картина о великой русской балерине Анне Павловой (1881—1931), составившей целую эпоху в хореографии. Однако это произведение гораздо шире рамок «биографического фильма». Лотяну сделал картину о художнике, о человеке, глубоко ему близком по духу. И не пустыми были слова режиссера, когда он во время съемок говорил, что увидел в Павловой свое второе «я». Это прекрасно чувствуется в самом

фильме, где самое важное, самое интересное для Лотяну — не сладкие мгновения триумфов, блеск премьер и толпы репортеров, а большой труд, всему этому предшествующий, самоотдача творчества. Без одержимости для Лотяну нет художника. Маленькая хрупкая женщина не просто танцует, вызывая гром аплодисментов, она сражается за красоту, за то, чтобы ее стало чуть больше в мире, где столько крови, боли, жестокости... И в этом режиссер верен главной линии своего творчества.

Лотяну — романтик. Таким он был еще до того, как снял первые ленты, — в своих стихах (на его счету более десятка поэтических сборников). Таким он был с первых шагов в кино, сначала в московском киноинституте, а потом в родной Молдавии, где на Кишиневской студии поставил фильмы «Ждите нас на рассвете», «Красные поляны», «Это — мгновение», «Лаутары».

Шли навстречу смертельной опасности герои картины «Ждите нас на рассвете» — солдаты революционного отряда, преследуемые карателями. Они гибли, прорывая засады, ценой своей жизни спасая друзей. Героями «Красных полян» были чабаны, суровый и трепетный мир этих людей открылся на экране — мир, увиденный глазами поэта. Пос-

ле многокрасочности «Красных полян» — скупая черно-белая графика фильма «Это — мгновение». Героями его стали бойцы испанских интербригад. Участники тех исторических событий — молдаване, сражавшиеся на земле Испании, испанские политэмигранты — помогли режиссеру воссоздать на экране ту эпоху, и с трудом верилось, что фильм снят не в Испании: настолько точно передан был в нем сам воздух этой страны, быт того времени, человеческие взаимоотношения. А в «Лаутарах» Лотяну обратился к творцам молдавского музыкального фольклора — бродячим музыкантам, жившим в нищете и безвестности, но создавшим искусство, и поныне потрясающее сердца.

Эти фильмы отличала неподнятая интонация, метафорическая образность, романтизм мироощущения. При всем своеобразии художнического мира Лотяну в те годы шел в таком направлении в советском кинематографе не один. Тенгиз Абуладзе, Юрий Ильенко и Николай Машенко, Али Хамраев, Булат Мансуров — у каждого из этих режиссеров были ленты, отмеченные тягой к щедрой образности народно-го творчества, к экранной поэзии. Иные из них потом от этого направления отошли или уходили на время, Лотяну же оставался верен ему неизменно. Романтика ближе всего мо-

лодости, времени надежд, и если позднее ее сменяет более трезвый, аналитический взгляд на мир, то это процесс естественный, быть может, даже необходимый. Вспомним хотя бы суровый приговор, вынесенный романтизму Львом Толстым: «Романтизм — это от страха взглянуть правде в глаза». Но так ли неоспоримо суждение великого писателя? Ведь романтический взгляд на мир может быть не только следствием попытки бежать от реальности — его может рождать и мужественное желание идти наперекор ей: видя всю ее прозу, утверждать великие абсолюты Красоты и Поэзии.

Приведенное высказывание Толстого почерпнуто, кстати, из воспоминаний о нем Горького, писателя, которому Лотяну обязан исходным импульсом к самому зрелому и к самому романтическому своему фильму — «Табор уходит в небо». Написанные Горьким в молодости рассказы того самого романтического цикла, к которому писатель потом уже больше не возвращался, стали основой сценария, воспевшего великий дар свободы. В «Таборе...» Лотяну оказался в своей стихии. Кипение красок, цыганская музыка, песни, танцы, простор бессарабской степи, энергия мчащихся коней, красота лиц героев, трагическая история их любви и смерти — все это полно романтики и поэзии. Но за всем этим чувствуется взгляд художника, стремящегося соприять роман-

тику и обыденность, поэзию мечты и прозу жизни.

Возьмем хотя бы введенный сценаристом (Лотяну всегда выступает и как автор сценариев своих фильмов) мотив предательства: родной отец выдает конокрада Лойко жандармам. Выдает, чтобы спасти остальных цыган своего табора. Надо жить, кормить детей, ради этого приходится идти на предательство... Экзотика цыганской свободы развенчана — таборная вольница оборачивается существованием, ограниченным таким же множеством пут, что и жизнь «других» людей. Восставший против этой несвободы Лойко обречен на гибель... И все же, понимая несбыточность, неосуществимость романтического идеала своего героя, Лотяну вопреки этому пониманию славит его. Ибо жизнь человеческая пуста и бесцветна без мечты, без веры в невозможное, без жажды раздвинуть рамки будничного существования.

Наверное, поэтому так любимы фильмы Эмилия Лотяну зрителями и в самых разных уголках планеты (тот же «Табор...», к примеру, с успехом демонстрировался в более чем 100 странах). Не во всех своих работах режиссеру удается быть на уровне тех вершин, что виделся ему в собственных замыслах. Но во всех его фильмах всегда живет жажда Красоты, Мужества, Свободы, жажда героев, достойных этих идеалов.

А. Липков
(АПН).

25 СЕН 1984

ГОЛОС РИГА
— РИГА